STUDIA PHILOLOGICA

Михаил Мейлах

ПОЭЗИЯ И МИФ

Избранные статьи

К 80-летию со дня рождения автора

3-е издание, дополненное

Издательский Дом ЯСК
Москва
2024

УДК 80/81
ББК 83
М 45

Настоящее дополненное издание
осуществлено при содействии благотворительного Фонда
поддержки и реализации программ в сфере культуры *AVC Charity*

Мейлах М. Б.
М 45 Поэзия и миф. Избранные статьи. — 3-е изд., доп. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2024. — 1104 с., ил. — (Studia philologica.)

ISBN 978-5-907498-71-6

Книга представляет собой сборник избранных статей автора, примыкающего к Московско-тартуской семиотической школе (ныне Заслуженного профессора Страсбургского университета), по различным вопросам филологии, писавшихся на протяжении более полувека. Их тематика связана с историей и теорией литературы, лингвистикой, семиотикой, текстологией и комментарием, поэтикой, стиховедением, анализом текста, вписанными во всеобщую историю культуры. Статьи объединены лингвистическим подходом к поэтическому тексту, поисками его мифологических, мифопоэтических и культурно-антропологических корней. Сюжеты статей относятся к таким областям, как востоковедение и библеистка, мелическая поэзия Древней Греции, поэзия трубадуров, русская поэзия от Пушкина, акмеистов и футуристов до обэриутов и Бродского, творчество Джойса и Набокова. Книгу завершают «филологические воспоминания» об учителях автора и диалоги с писателями, поэтами и его коллегами — выдающимися филологами, которым автор благодарен за поддержку, консультации и помощь.

УДК 80/81
ББК 83

В оформлении переплета использован фрагмент фрески
Рафаэля «Аполлон и музы на Парнасе». Станца делла Сеньятура, Ватикан.
На задней сторонке: фото автора — фотоанаграмма светлАны ивАновой

ISBN 978-5-907498-71-6
9 785907 498716 >

© М. Б. Мейлах, 2024
© Издательский Дом ЯСК, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 11

I. BIBLICA ET MYTHOLOGICA

«Не оглядывайся!»: где, когда и позади кого оглянулась Лотова жена? 19
«Возвращение Эрота»: δηῦτε — ключевое слово
древнегреческой мелической поэзии 44
О новых и новейших мифологизирующих системах 51

II. МИФ, ПОЭЗИЯ И ВЛАСТЬ

1. Поэт и царь

Поэзия и власть 71
«Внутри горы бездействует кумир…». К сталинской теме
в поэзии Мандельштама 96

2. Поэт и царь: аспекты пушкинского мифа

«Водились Пушкины с царями…» 105
«Выше... Александрийского столпа» 135
Детективный Пушкин, или «История одного преступления» 142
Немного «дантесоведения» 151
«Евгений Онегин». Предисловие к новому французскому переводу 164

3. Mythopoesis: три примера

Об одном экзотическом подтексте «Стихов о неизвестном солдате» 174
(Mytho)poesis oberiutiana. Заметки к построению
обэриутской (мифо)поэтики-1. 181
Хармс и герметизм. [Заметки к построению обэриутской (мифо)поэтики-2] . . . 184

4. Mythopoesis: время и пространство

«Дальняя любовь» трубадура Джауфре Рюделя: мифологизация мотива 191
«Явление стиха». Об одном «топографическом» стихотворении Бродского . . 209
Futurum Nabokovi: рассказ Набокова «Ланселот» 213

III. МИФ О ПОЭТЕ

1. Поэт, имя, образ: Ахматова

Об именах Ахматовой. I. Анна 219
Альбом Ахматовой 10-х — начала 30-х годов 241
Образ Ахматовой глазами современных художников (1990) 261
Ахматова и Данте (в соавторстве с В. Н. Топоровым) 263
«You cannot leave your mother an orphan»: о джойсовском эпиграфе у Ахматовой 307

2. Поэт, имя, образ: Хармс

Хармс / Чармс: источники и значения псевдонима 323
Даниил Хармс: последний петербургский денди 335

3. Имя в культуре

«My dearest Leningradievna!» Традиция русификации имен танцовщиков «Русских балетов» 368

IV. ПОЭТИКА, ТЕКСТ, КОММЕНТАРИЙ, ПЕРЕВОД

1. Текст и комментарий

О комментарии 381
«Заклинание» Анны Ахматовой 384
Commentariuncula textologica 388
Commentariuncula nabokoviana (Заметки преимущественно к «Дару») 408
Intertextuality and (Meta)poesis: Some enigmas of Nabokov's 'Seven Poems' . . . 431

2. Грамматика поэзии

A propos des anagrammes 447
Ахматова — «турчанка обморока». Пример ирано-славянской грамматической интерференции в поэтическом языке Хлебникова 457
«аснОва письмА слухавАя». Об орфографии Ильязда: «аслаабличья. питЁрка дЕйстф» 467
Еще о «грамматике поэзии» Александра Введенского 481

«Что такое есть Потец?» 488
«Здравствуй, Боря» — «Здравствуй, море».
К вопросу о хлебниковских источниках у обэриутов 498

3. Поэзия и живопись

Поэзия и живопись: случай обэриутов 501

4. Из истории поэтики

Поэтика Даниила Жуковского (в соавторстве с С. В. Поляковой) 525

5. Из истории перевода

Иван Аксенов — переводчик елизаветинцев 548

6. Еще о поэтике ОБЭРИу

Материалы к поэтике Введенского 568

7. Из истории и антиистории обэриутоведения

Oberiutiana historica, или «Истории обэриутоведения. Краткий курс»,
или краткое «Введение в историческое обэриутоведение» 604
Oberiutiana tartuensis, или У истоков обэриутоведения:
Тарту, 1965—1967 670
Трансцендентный беф-буп для имманентных брундесс. Рец. на:
Даниил Хармс. Полное собрание сочинений / Вступит. ст., сост.,
подгот. текста и примеч. В. Н. Сажина. Т. 1—6.
СПб.: Академический проект, 1997—2002 689

V. ИЗ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ ДЕВЯНОСТЫХ ГОДОВ

От автора 701

1. Вокруг Пастернака

Вторые Пастернаковские чтения в Москве (1989) 702
Пастернаковские торжества в Москве (1990) 708
Юбилейный год Пастернака в России и в Англии (1990) 710
«Мы никогда не были ни беженцами, ни эмигрантами».
Разговор с Жозефиной Пастернак (1990) 723

2. Вокруг Набокова

Первая Набоковская конференция на родине писателя (1990) 727
Набоков, модернизм и постмодернизм (1995) 734

3. Varia

Михаил Кузмин и русская культура XX века. Научная конференция в Ленинграде (1990) 738
Четвертые международные Булгаковские чтения в Ленинграде (1990) 743
Пятые Тыняновские чтения (1990) 747
Юбилейная сессия «Понятийника русского авангарда» (1990) 752
Вторые Мандельштамовские чтения в России (1991). 755
Петербург под тропиком Рака. Об одной экзотической конференции: «Архипелаги. В поисках мифа» (2000) 762

VI. ИЗ ДИАЛОГОВ И ВОСПОМИНАНИЙ

1. Из воспоминаний

Пожизненно заключенные. Небеглые заметки об одной беглой библиотеке . . 767
Заметки об Анне Ахматовой 770

2. Вокруг сэра Исайи Берлина

«Был недолго ты моим Энеем…». Разговор с сэром Исайей Берлином 789
«Он не столько “мыслитель”, сколько “размыслитель”…». Беседа с Иосифом Бродским о сэре Исайе Берлине 800
Памяти сэра Исайи Берлина 802

3. Вокруг Иосифа Бродского

Три поездки в Норенскую. По записям того времени 805

Из разговоров с Иосифом Бродским

«Жизнь тогда носила приблизительный и такой среднеинтуитивный характер…» 816
«Поэт сам узнает по темпераменту своего предшественника…» 826

«Он умер в январе, в начале года…»

Прах Иосифа Бродского предан земле в Венеции 832
«Он умер в январе, в начале года…». Вечер памяти Иосифа Бродского в Лондонском университете 835

Приложение

Освобождение от эмоциональности. Интервью, взятое Валентиной Полухиной у Михаила Мейлаха (30 мая 1989, Париж). 837

4. Несколько писателей

«Я был отравлен — не Марксом, а Гегелем, это более серьезное несчастье». Разговор с Чеславом Милошем 848
«Русская литература началась с Пушкина». Разговор с Анри Труайя 854
«Не прошло и семидесяти лет…». Нина Берберова в России 859

5. Из разговоров с филологами

Русский ученый в оксфордском интерьере. Разговор с кн. Дмитрием Оболенским 874
«А синтаксис — просто какой-то Моцарт!..» Разговор с Омри Роненом 878

6. Necrologia

Памяти Нины Александровны Жирмунской 890
Памяти Сергея Сергеевича Аверинцева 892
«В наш век демифологизации мыслить мифологически». Памяти Владимира Николаевича Топорова 896

VII. PHILOLOGUS SUM

1. De professoris

Об учителях. Из филологических воспоминаний 903
Mein Fach ist Romanistik 903
Мои учителя: классики 915
Академик Жирмунский 921
Учителя: семитология 926
Учителя: alii aliaeque 928
София Викторовна Полякова, или Об одном прециозном идеолекте 934

2. Итальяномания

«Слаще пенья итальянской речи…». Из филологических мемуаров 943

3. Вокруг Николая Харджиева

Памяти Николая Ивановича Харджиева 949
«Человек, очень сродный поэзии…». Из разговоров с Николаем Ивановичем Харджиевым (1989—1995) 960
Листая каталоги 981
«Утехи младших школяров…». Семнадцать писем Н. И. Харджиева 994
Николай Харджиев. Из последних записей 1006

ДОПОЛНЕНИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

«Индия пусть» 1019
Entreb(*r*)*escar los mots*: ключевой термин поэтики трубадуров 1031

УКАЗАТЕЛИ

Указатель имен к первому изданию 1055

Указатели к Дополнению

Указатель имен к Дополнению 1093
Указатель произведений в Дополнении 1099

Summary 1101

Светлой памяти Вяч. Вс. Иванова
посвящаю эту книгу

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлежащая книга представляет собой сборник избранных статей по различным вопросам филологии, писавшихся на протяжении почти полувека. Сегодня слово «филология» употребляется все реже и реже, сохраняясь по традиции разве что в названиях университетских факультетов, однако по своему смыслу оно по-прежнему объединяет все науки, связанные с языком и текстом — языкознание и то, что сегодня называют нелюбимым мною словом «литературоведение», а сюда, в свою очередь, входят история и теория литературы, текстология и комментарий, а также поэтика, стиховедение, анализ текста, вписанные во всеобщую историю культуры. Именно филологами в полном смысле слова были мои учителя — начиная от превосходных университетских педагогов до академика В. М. Жирмунского, моего руководителя в аспирантуре, приобщившего меня к средневековой провансальской поэзии трубадуров, и до «некоронованного академика» И. М. Тронского. Достаточно сказать, как проходил его античный семинар, который я посещал в течение нескольких лет. Перед началом изучения каждого памятника Иосиф Моисеевич читал несколько лекций, представлявших собой введение историко-литературного, лингвистического и библиографического характера. Занятия, если памятник был поэтический, начинались с метрического разбора, потом разбиралась этимология каждого слова на широком индоевропейском фоне, часто дополняемая материалами новейших публикаций. Затем следовало обсуждение всевозможных историко-литературных, мифологических и культурно-исторических связей. Широта комментариев Иосифа Моисеевича, по его склонности к компаративизму, не имела границ. Так, по поводу сцены изгнания Аполлоном Эриний из храма в «Эвменидах» Эсхила, названной им «сцена типа изгнания», он прочитал целую лекцию, в которой, помимо евангельского примера изгнания торгующих в храме, привел еще много других. Не менее интересный экскурс он посвятил знаменитому «связывающему», обращенному к «матери-ночи» гимну-заклинанию Эриний, которым они «опутывают» отцеубийцу-Ореста, с параллелями, распространяющимися от древнейших заговоров до поэзии нового времени.

Подобная же широта филологических подходов свойственна моим учителям более младшего поколения, постепенно становившимися моими коллегами. Начиная с аспирантских лет я принимал участие в Летних школах семиотики при Тартуском университете и имел честь быть принятым в круг замечательных ученых, известный под названием Московско-тартуской семиотической школы. Мне, в частности, несколько раз довелось работать в соавторстве с акад. В. Н. Топоровым, и я продолжаю восхищаться академиком Вяч. Вс. Ивановым, обогатившим присущую ему уникальную филологическую широту новыми подходами из области антропологии и естественных наук. Многое можно было бы сказать в этом контексте и о других учителях, как И. М. Дьяконов — в области семитологии, И. Г. Левин и Е. М. Мелетинский — фольклористики или М. И. Стеблин-Каменский — средневековой поэтики, о коллегах и друзьях, как С. С. Аверинцев или Омри Ронен.

Собственные мои филологические интересы во многом определила любовь к поэзии, которую, как и музыку, лежащую у ее истоков, я, далеко не в одиночестве, продолжаю считать высшим достижением в области художественного выражения, на какое способен человек. Необычным образом, изначальная любовь к поэзии была еще в мои юношеские годы многократно усилена встречей с двумя поэтами, которые по сей день представляются мне человеческим воплощением самой поэзии: с Анной Ахматовой, общение с которой было не столь долгим, но оказало на меня колоссальное влияние, и с Иосифом Бродским — наши отношения, значительно более тесные и продолжительные, были на тринадцать лет прерваны его эмиграцией. Что же касается интереса к поэзии с точки зрения собственно научной, то под влиянием упомянутых выше ученых я довольно рано пришел к пониманию формирующего значения мифологических моделей сознания не только в отношении древней поэзии, но в непрерывной поэтической традиции дошедших до нашего времени; оборотной же стороной этих процессов мне представляется собственная способность поэзии к порождению мифов. Еще одной чертой поэтического текста, которую он разделяет с мифом, является его феноменальная смысловая емкость, способность, словами В. Н. Топорова, к порождению бесконечно углубляющихся смысловых рядов и, наконец, заложенная в поэтическом тексте возможность столь же бесконечной референции, обнаруживаемой при анализе подтекстов. Эти три основных подхода, дополняемых, разумеется, множеством других, более конкретных, во многом определяют метод, который читатель может видеть в статьях, вошедших в эту книгу.

Что касается их материала, то среди анализируемых источников читатель может найти тексты, относящиеся к различным эпохам и литературным направлениям — от библейских и античных до Пушкина, акмеизма (Ахматова, Мандельштам), футуризма (Хлебников), обэриутов, поэзии Иосифа Бродского. Книга открывается статьей, посвященной интерпретации библейского стиха, загадка которого преследовала меня всю жизнь с тех пор, как, будучи аспирантом Института языкознания,

я одновременно занимался семитологией на Восточном факультете университета. И если спустя почти полвека мне удалось найти удовлетворительное лингвистическое решение, это стало возможным благодаря приложению к объяснению собственно лингвистическому данных из области сравнительной мифологии. С этой работой перекликается статья следующего основного раздела «Поэзия и миф» (давшего название всей книге) — «“Возвращение Эрота”…», посвященная интерпретации формы и смысла термина, который впервые встречается в так называемом «Гимне Афродите» Сафо, древнейшем лирическом стихотворении в европейской традиции, затем утверждается в лирике анакреонтической, а отражения и аналоги его обнаруживаются во всей мировой любовной поэзии. В «призывном гимне» богине, которую поэтесса вызывает, чтобы та помогла ей в любви, термин этот, выражающий категорию повторения, служит ссылкой на прецедент наподобие того, как шаманы, призывающие духов, ссылаются на то, что те уже прежде оказывали им помощь (подразумевается, что, стало быть, могут оказать ее снова), в чем можно видеть, наряду с остраненностью языка и функцией метрической формы в ее связи с музыкой, еще одно доказательство магического происхождения поэзии.

Необычный по форме, этот термин представляется реликтом существовавшего в индоевропейской поэтической традиции (в частности, у Гомера) противопоставления «языка людей» — «языку богов», на которых одни и те же объекты обозначались различными словами: к богам, чтобы быть услышанными, следовало обращаться на их языке, отличном от человеческого, а также, дабы усилить его проникающую силу (и одновременно сохранность текста от порчи), особым образом упорядоченного.

В более широком контексте, заложенная в человеческом сознании универсальная тенденция к мифологизации отнюдь не ограничена древним периодом: возвращаясь к предыдущему разделу, статья, посвященная новым и новейшим мифологизирующим системам на примерах мессианских чаяний XVII–XVIII веков и различных эзотерических учений двадцатого, недвусмысленно демонстрирует, что в новое время эта тенденция не только в полной мере сохраняет свое значение, но на фоне бурного прошедшего столетия значительно активизировалась.

Подраздел «Поэзия и власть» открывается статьей, где на основе примеров из древневосточной (библейской, античной, древнеиндийской, иранской) и европейской литературы нового времени обосновывается основная мысль автора о том, что извечное противостояние царя и пророка, королей и пап, властителя и поэта не сводится к преследованию первыми — вторых, а является формой конкуренции, восходящей к различию изначальных магических функций тех и других.

В дальнейших статьях противостояние «царя и поэта» прослеживается на примере Мандельштама, автора одновременно антисталинского стихотворения, стоившего ему жизни, и «оды» Сталину. Мифологические мотивы имеются и в других его стихах, в частности в стихотворении о спящем внутри горы кумире, в котором угадываются черты Сталина.

Мотив «поэт и царь», как частный случай реализации древней мифологемы, присутствует во всей русской поэзии, начиная с оды XVIII, но в наибольшей степени выражен у Пушкина. В данном сборнике целый подраздел составлен статьями о взаимоотношениях Пушкина с властью, с детальным исследованием этого мотива в пушкинском тексте (в том числе в «Памятнике») как мотива соперничества. Другие аспекты «пушкинского мифа» в более узком, «прикладном» смысле слова рассматриваются в статьях о его вымышленных дневниках и о его взаимоотношениях с Дантесом, а также в переводе нашего Послесловия к новому французскому переводу «Евгения Онегина».

В следующем подразделе, озаглавленном «Mythopoesis. Три примера», говорится о преломлении в «Стихах о неизвестном солдате» Мандельштама еще одной экзотической мифологемы, заимствованной на этот раз из учения Гюрджиева, а именно о духовно спящем человечестве как пище для луны. Далее в том же разделе рассматривается отражение универсально распространенных мифологических мотивов в поэзии обэриутов, интересных не только с точки зрения их заимствования, но и как материал для реконструкции их собственного поэтического универсума. Третий пример — в форме рецензии на книгу о герметических мотивах в творчестве Хармса, весьма своеобразно использовавшего всевозможные сюжеты не только из мифологии (в том числе египетской и, конечно, античной), но также из оккультизма, герметических учений и магии.

Тема мифологизации имени и ее практического приложения продолжена в вынесенной в приложение к этому разделу статье о традиции русификации имен танцовщиков «Русских балетов» Сергея Дягилева, подхваченной затем во всем мире, за которой стоит, условно говоря, «миф о русской балерине».

Сборник продолжен третьим фундаментальным филологическим разделом, также составленным несколькими подразделами. Первый, «Текст и комментарий», включает, во-первых, одноименную статью, заканчивающуюся афоризмом: «филолог начинает с диссертаций, книг и статей, а в конце своего пути отдает свое время комментарию». Еще одна статья, Commentaruincula textologica, посвящена описанию различных текстологических казусов из личного опыта автора — первого издателя поэзии обэриутов, составителя первого, наиболее полного собрания поэзии Ахматовой после отмены советской цензуры, а также изучавшего тексты русской поэзии, часто, по вине той же цензуры, неканонические.

Второй подраздел, «Грамматика поэзии» (термин Р. О. Якобсона), открывается статьей об иранских источниках поэтического метаописания Ахматовой как *турчанки обморока* у Хлебникова. В другой статье вопрос о хлебниковских же источниках, на этот раз у обэриутов, рассматривается на материале мотива обращения к морю в творчестве поэта Введенского. Проделанный еще в одной статье историко-морфологический анализ его же неологизма *потец*, составляющего сюжетообразующий мотив его одноименного произведения, позволяет судить о необычайной лингвистической чуткости поэта, к которой автор, иллюстрируя ее многочисленными примерами, возвращается в статье «*Еще о “грамматике поэзии” Александра Введенского*».

Следующие два подраздела связанны с историей, один — поэтики, другой — художественного перевода. Первый содержит статью (в соавторстве с С. В. Поляковой), представляющую собой изложение и анализ малоизвестной поэтики Даниила Жуковского — репрессированного в 1938 году молодого поэта и ученого.

Второй подраздел — «Из истории перевода» посвящен уникальной странице истории русской переводческой практики в области стихотворной драмы. В эпоху, когда традиция авторского перевода в духе начала XIX века отошла в прошлое и переводческое искусство выродилось в своего рода индустрию, а более конкретно — в разгар мировой войны, Иван Аксенов, близкий к футуристам поэт и художественный критик, будучи призван в действующую армию, совершает, кажется, невозможное. В этих условиях он переводит серию пьес драматургов-елизаветинцев — современников Шекспира Дж. Уэбстера, С. Тернера, Дж. Форда, которые издает отдельной книгой; едва ли, однако, этот переводческий опыт, проанализированный в статье, можно назвать удачным, хоть он и производит известное впечатление.

Эти две последние статьи служат переходом к «исторической» части сборника: я счел за благо включить в него ряд материалов, заметок, воспоминаний и бесед, имеющих, как представляется, историко-литературный интерес. Таковы сообщения о нескольких наиболее интересных конференциях эпохи перестройки, связанных с именами Михаила Кузмина, Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама, Владимира Набокова, Михаила Булгакова, о продолжавшихся много лет Тыняновских чтениях в Латвии и о прекратившихся со смертью Александра Флакера загребских встречах в рамках «Понятийника русского авангарда». В книгу также вошли мои собственные воспоминания об Анне Ахматовой, Иосифе Бродском, в том числе о поездках к нему в ссылку, записи бесед с несколькими писателями (Ниной Берберовой, Чеславом Милошем, Иосифом Бродским) и философами, в том числе с сэром Исайей Берлином, а также с выдающимися филологами Николаем Харджиевым, кн. Дмитрием Оболенским и Омри Роненом, наконец, небольшие «филологические воспоминания» об ушедших старших коллегах — о классике и византинисте, моем учителе С. В. Поляковой (эти последние воссоздают атмосферу целого пласта ленинградской интеллигенции), Н. А. Жирмунской, акад. В. Н. Топорове, и друзьях, как С. С. Аверинцев*.

Первое издание книги находилось в производстве, когда пришло печальное известие об уходе Вячеслава Всеволодовича Иванова — учителя и старшего коллеги, учёного возрожденческого масштаба, чьими бесценными советами я пользовался на протяжении более чем полувека. Его памяти я посвящаю эту книгу.

---

* Еще раз выражаю благодарность Нине Стависской и Юрию Арпишкину за помощь при подготовке первого издания к печати. Моя особая благодарность за помощь в осуществлении данного переиздания благотворительному Фонду поддержки и реализации программ в сфере культуры *AVC Charity* и его председателю М. А. Авеличевой.

– I –

BIBLICA ET MYTHOLOGICA

«НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ!»: ГДЕ, КОГДА И ПОЗАДИ КОГО ОГЛЯНУЛАСЬ ЛОТОВА ЖЕНА?*

Четыре фантома
сквозь ветер и тьму
брели из Содома
(зачем, почему?).
Николай Харджиев

«Жена же *Лотова* оглянулась позади его и стала соляным столпом». — История, рассказанная в 19-й главе Книги Бытия, трактуется как этиологический миф, объясняющий особенности пейзажа на южных берегах Мертвого моря, который несет следы экологической катастрофы. По современным представлениям, катастрофа эта могла произойти в конце второго тысячелетия до н. э., т. е. незадолго до прихода из Месопотамии в Палестину западносемитских племен, что отражено в повествовании о переселении в Ханаан Авраама и племянника его Лота. Наказание Содома и Гоморры, городов, которые Бог ниспроверг за их грех, пролив с неба дождем серу и огонь[1], и как следствие, «the waste land» на их месте — мотивы эти стали повторяющимся библейским[2], потом европейским культурным топосом. Причудливые

---

* Исследования по лингвистике и семиотике: Сборник статей к юбилею Вяч. Вс. Иванова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 436—445. (Краткая публикация: *Мейлах М. Б.* Позади кого оглянулась Лотова жена? // Сборник статей памяти академика А. Церетели. Л., 1972. С. 68—72).

[1] Города «пятиградия», в число которых входили Содом и Гоморра, по сей день археологически не локализованы (возможно, они находятся на дне Мертвого моря), а попытки отождествления их названий с топонимами в текстах из Эблы привели к полемике, весьма далекой от научной (Петтинато, Арки, Фридман).

[2] Deut 29:23, 32:32; Isa 1:9—10, 13:19; Jer 23:14, 49:18, 50:40; Lam 4:6; Ezek 16:44—58; Amos 4:11; Zeph 2:9; Matt 10:15, 11:24; Lk 10:12; Rom 9:29; 2 Pet 2:6; Jud 7.

окаменелости самой различной формы встречаются на берегах Мертвого моря по сей день; одна из них, на горе Джебель Ушдум («Содомской»), напоминающая человеческую фигуру, традиционно считается «Лотовой женой», окаменевшей, поскольку, вопреки запрету оборачиваться (Gen 19:17), оглянулась (Gen 19:26), в традиции — на покидаемый город, подлежащий уничтожению. Как «памятник неверной души» соляной столп упоминается в неканонической Книге Премудрости Соломона (10:7; I в. до н. э.); столп этот, с древних времен ставший достопримечательностью, которая привлекала путешественников, породивших огромную литературу, видел, по его утверждению, Иосиф Флавий (Иудейские древности, I, 11, 4). Примечательными стихами описывает этот столп позднеримский христианский поэт IV—V вв., возможно Киприан Галл, переложивший латинскими гекзаметрами семь ветхозаветных книг (их авторство приписывалось также Тертуллиану):

in fragilem mutata salem stetit ipsa sepulchrum,
ipsa et imago sibi, formam sine corpore servans[3].

Издревле существовало два основных варианта понимания, перевода и, следовательно, интерпретации Gen 19:26 (*wattabbēṭ ištō mē'aḥ^{a}râw*) — стиха, посвященного знаменитой оглядке Лотовой жены. Одни переводы передают форму *mē'aḥ^{a}râw* как 'позади него', сохраняя значение местоименного суффикса мужского рода *w*, по аналогии с предшествующим *'ištō* ('жена его'), относя его, как этого требуют синтаксис и здравый смысл и как это делали классические средневековые комментаторы (Раши, Ибн Эзра), к Лоту. Таковы, среди других, King James Version («But his wife looked back from behind him»), переводы Кауча и Гункеля, таков неожиданно и русский Синодальный перевод: «жена же Лотова оглянулась *позади его* и стала соляным столпом». Согласно этому варианту, она бросила запретный взор на покидаемый родной город за спиной мужа, за которым шла следом; однако, по мысли Рамбана (Нахманида, XIII в.), она «посмотрела [на то, что] за спиной (позади) Лота, замыкающего шествие всей семьи, спешащей спастись»[4]. Наконец, согласно другим древним интерпретаторам, *mē'aḥ^{a}râw* относится к Ангелу, который выводил всю семью из обреченного города и тайком от которого Лотова жена обернулась назад. Такое понимание встречается еще в Таргумах (ранних переводах-толкованиях Библии на арамейском языке). Так, в Таргуме Неофити — «оглянулась позади Ангела, чтобы узнать, что случилось с домом ее отца»[5]. Уникальная трактовка мужского суффикса принадлежит автору трактата K'li Yakar (до 1619 г.), который предлагает следующее объяснение: поняв, что имущество ее мужа в Содоме погибло и она и ее дети останутся без наследства,

[3] Став ненадежною солью, стоит бестелесным обличьем — сама себе надгробие, сама себе статуя (Carmen de Sodoma. V. 119—121 // Cypriani Galli Heptateuchos. P. 218).

[4] *Ramban* (*Nachmanides*). Commentary on the Torah. Ad 19:26, p. 261.

[5] Targum Neophiti 1. Genesis. 1B. P. 71. То же — в Таргуме Йонатан: The Targums of Onkelos and Jonathan ben Uzziel. P. 18.

она не *назад* посмотрела, а заглянула [во времена] *после него* (т. е. *после его*, Лота, [смерти])[6]. Такое объяснение, разумеется, натянутое, тем не менее заслуживает внимания и как попытка объяснить чисто грамматическую трудность, и в связи с семантической амбивалентностью производных корня √'ḤR, сочетающих значения 'назад', 'позади', 'после' с другими, относящимися к будущему[7], что можно сопоставить с архаическими представлениями о будущем, как находящемся «позади», и о прошлом — «впереди» (см. об этом ниже и примеч. 33).

Другие переводы формой мужского рода суффикса пренебрегают, сводя значение действия к простой возвратности, как, к примеру, Вульгата (respiciensque uxor ejus post se...) или перевод Лютера («Und sein Weib sah hinter sich…»). К такому пониманию тяготеет и уклончивая версии Септуагинты: καὶ ἐπέβλεψεν ἡ γυνὴ αὐτοῦ εἰς τὰ ὀπίσω, и следующего за ней славянского перевода: **и озрѣся жена егѡ вспѧть, и бысть столпъ сланъ**, а также сирийского (Пешитта, V в.); то же — в Таргуме Онкелос (II—IV вв.): *w'stkj't 'ttjh mbtrwhj*, вар. с с корнем *'aḥr — m'ḥwrwhj*[8]. Другими словами, жена Лота попросту оглянулась позади себя, нарушив запрет Ангела (*'al tabbīṭ 'aḥ^{a}räkā* — 'не оглядывайся назад', ст. 17 той же главы). Чтобы приблизиться к этому смыслу, избежав при этом трудного для осмысления мужского суффикса, была предложена конъектура **mē'aḥ^{a}rähā* с суффиксом ж. р. и предполагаемым значением «оглянулась позади себя»; издатели Biblia Hebraica помещают ее в аппарате (о невозможности или затруднительности ее — ниже).

Расхождение в интерпретациях объясняется прежде всего «непривязанностью» местоименного суффикса при наличии предлога *min*/*mē-* — 'от', 'из', с древних времен затруднявших комментаторов[9]. Предположение же о возможной окаменелости формы *mē'aḥ^{a}râw* с утратой суффиксом родового значения не подтверждается

---

[6] *aḥ^{a}râw* (Job 21:21) и даже *mē^{a}ḥrâw* (Ekkl 10:14) во временном значении действительно могут иметь, как и на новых языках, смысл «после него» = «после его смерти» (букв. 'с момента его смерти и далее'). Цит. по: *Culi, Rabbi Yaakov*. The Torah Anthology. P. 227.

[7] Напр., аккадск. *uḫḫuru* 'оставаться позади', *угаритск.'ḥr-* 'поздний', 'будущий'; арамейск. *'ḥrh* 'потомство', *'aḥ^{a}rāyūtā* 'будущее' и др., в пределах др.-евр. языка — напр., *'aḥ^{a}rōn* 'будущее' (Isa 30:8, Prov 31:25) и др. случаи с более тонкими оттенками футуральных значений. См.: *Cohen D.* Dictionnaire des racines sémitiques ou attestées dans les langues sémitiques. Fasc. 1. P. 15. Как бы ни трактовать глагольную систему др.-евр. языка (синтез новых подходов — в статье: *Десницкий А.* Современные взгляды на систему глагольных «времен»…), позволительно ли сопоставить с этим грамматические особенности семитского глагола и такое явление, как «перевернутые формы» с waw consecutivum — «поворотным оператором» (И. И. Ревзин), дающим перфектной форме глагола статус имперфектной, и наоборот?

[8] Targum Onkelos // The Bible in Aramaic. P. 27.

[9] Как мы увидим, форма муж. р. *-w* остается камнем преткновения для комментаторов по сей день. В некоторых рукописях Септуагинты после слова οπίσω ('назад') иногда добавляется местоимение м. р., иногда женского. См.: La Bible d'Alexandrie. T. I. La Genèse. P. 182, note. Суффикс ж. р. *-h* (*-hj*) мы только что наблюдали в Таргуме Онкелос. В средневековой еврейской традиции предложить (под вопросом) женскую форму суффикса решился лишь